

05.05.2017, 19:35 Москва

свой опыт

Паническая атака в ОВД

Журналистка Софико Арифджанова рассказывает о том, что ей довелось пережить в отделе полиции, когда ее задержали за съемку акции протеста у белорусского посольства в Москве.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

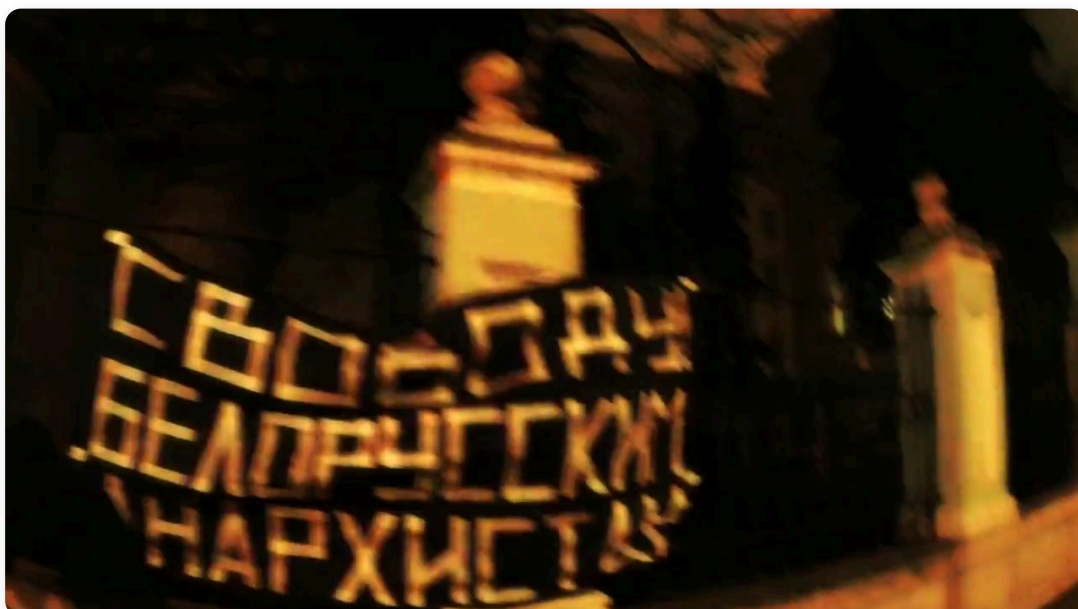
2 апреля в районе 5 часов утра неизвестные активисты вывесили баннер напротив белорусского посольства с надписью «Свободу! белорусским анархистам» через дорогу от посольства — чтобы его хорошо было видно

из окон. Я снимала его со стороны главного входа в здание, возле которого как раз стояла полицейская будка.

Я подбежала к парадному крыльцу всего на несколько секунд раньше полицейского. С самого начала было понятно, что я едва ли смогу избежать общения с ним, но я не считала это проблемой. Для полицейского ситуация, конечно, неприятная, но я-то не могла рассказать ничего интересного. Помню только, что активисты были в черном. Еще помню, что лиц не было видно. Они связались со мной через секретный чат в телеграме.

Проблемой стала малознакомая камера в руках, а, точнее, то, что я не воспользовалась имевшимся в запасе временем, чтобы получше освоить ее. И даже когда полицейский из будки стал рассказывать своим подъехавшим коллегам, что я сначала помогла повесить баннер на заборе, а уже потом перебежала дорогу и стала фотографировать его, я продолжала больше переживать о том, что фотографии, скорей всего, получились отвратительными. Причем баннер висел не меньше 10 минут — полицейские догадались снять его, когда из посольства уже выбежали его возмущенные сотрудники.

YouTube Video: 3AS39H5zn6c

В ОВД Басманном я довольно быстро от руки написала объяснение, и пока все-таки задержавший меня старший лейтенант Роман дописывал рапорт, пара других сотрудников полиции пыталась понять, почему на моей камере нет ни одной фотографии. Они долго ее крутили, щелкали на разные кнопочки, вращали фокусировочное кольцо, вчитывались в буквенно-численные надписи, но на дисплее светилось одно и то же: «Вставьте карту памяти».

Вскоре мне отдали фотоаппарат и оставили меня ждать. Через несколько часов за мной прибежал бешеный от злости старший лейтенант Роман:

— Ты! Быстро пошла за мной. Мы идем в уголовный отдел.

Пока мы шли, я начала вызванивать на помощь. Я была измотана, и ситуация обострилась так внезапно, а Роман при этом так упорно игнорировал мои вопросы, что меня стала охватывать болезненная тревога — я чувствовала, что начинается паническая атака. В конце концов со мной заговорил напарник Романа, когда меня уже завели в отдельный кабинет:

— Уже поймали двух твоих сообщников! Они признались, что это ты организовала акцию. Если ты не признаешь вину, мы заведем на тебя уголовное дело!

Роман сел за компьютер и быстро напечатал и сунул мне какую-то бумагу: «Подпиши». Сквозь подступающее удушье я отказала ему, реакция оказалась бурной:

— Совсем о**ела, что ли? Это же 51 статья, читать не умеешь?! Тупая...

К этому моменту я совсем перестала справляться с панической атакой. Я просто согнулась пополам, сидя на стуле, и пыталась дышать, пока Роман приказывал мне «не вы**ываться»: говорит, надо было глаза сильнее потереть, тогда смотрелось бы натуральнее.

Когда от приступа у меня уже начало жечь легкие, я попросила вызвать врача.

— Пока не подпишешь, скорую не вызовем. Давай, я жду, — Роман надеялся, что я испугаюсь. Моя тревога, конечно, давно стала неконтролируемой, но возникшее удушье не вызывало у меня никаких опасений, в отличие от сомнительных документов, которые меня заставляют подписать под угрозой уголовного дела. Так что я просто сосредоточилась на том, чтобы вдохи отдавали меньшей болью в груди. Так я и сидела, задыхаясь, пока Роман материл меня.

В какой-то момент его напарник решил, что у меня приступ астмы, и все же вызвал скорую помощь. Ему не удалось скрыть досады, когда врачи сообщили ему о настоящей причине моей бешеной одышки.

Едва врачи привели меня в чувство и уехали, ко мне прибежали двое молодых парней в штатском. Настойчиво доказывая мне, что они на моей стороне, ребята рассказали, что специально проверили все документы моего дела (дела?!) на наличие нарушений. Все, по их словам, было в порядке, кроме одного: я почему-то не подписалась под объяснением, напечатанным с моих слов. Добрые полицейские дважды переспросили меня, когда я, едва не срываясь на крик, сказала, что я все написала собственноручно, еще только попав в отделение. Тут мне стали звонить журналисты. Я как можно громче стала рассказывать им о происходящем, и вскоре поверх рапортов уже лежало мое объяснение. Протокола не было. Оставалось только подписать обязательство о явке.

Я позвонила трем разным правозащитникам, чтобы узнать, можно ли подписывать этот квиточек. Параллельно добрые полицейские, едва не срываясь на визг, рассказывали мне, что из-за меня они опаздывают домой к голодным детям, при этом поднимая дикий шум каждый раз, когда я пыталась поговорить по телефону. В итоге

я повторно позвонила одному из правозащитников. В четвертый раз меня убедили, что, кажется, полицейские действительно больше не хотят сваливать на меня, удачно подвернувшись, ответственность за политическую акцию и теперь пытаются просто замять дело. Я подписала.

На улице уже было светло и тихо. Отойдя подальше от отделения, я стала рыться по карманам. Паническая атака сопровождалась дереализацией, так что у меня запросто могла пропасть карта памяти от фотоаппарата, которую я спрятала, когда Роман еще не успел вызвать подкрепление. Фотографии вышли правда дурацкими. Утешает лишь то, что кто-то облажался гораздо сильнее.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

06.03.2026 **Москва**

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело